

ТЕРРОРИЗМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: СУБЪЕКТНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ РАКУРС РАССМОТРЕНИЯ¹

И.П. Добаев, А.В. Понеделков
(Россия, Ростов-на-Дону)

В статье на богатом фактическом материале рассматриваются актуальнейшие вопросы региональной безопасности страны, исследуются проблемы современного терроризма через субъектно-геополитический угол зрения.

In the article on the rich factual material the most significant questions of regional security are dealt with, the problems of modern terrorism through subject-geopolitical viewpoint are researched.

Ключевые слова: терроризм, национальная безопасность, геополитика, террористические акты и группировки.

Key words: terrorism, national security, geopolitics, terrorist acts and groupings.

Современные исследователи различают фундаментальную и прикладную, глобальную, региональную и локальную, внешнюю и внутреннюю геополитику. Выделяется также традиционная, новая и новейшая геополитика. Иными словами, несмотря на молодость геополитики как науки, произошла трансформация геополитического мышления: от традиционной геополитики (военной мощи) к новой геополитике (экономической мощи), и, наконец, к новейшей, или цивилизационной геополитике.

Сохраняя прежние инструменты ведения обычных (военные операции) и экономических войн, постбиполярный мир все в большей степени делает упор на так называемые «информационные» и «сетевые» войны. Их особенностью выступает обстоятельство, что они ведутся глобально и тотально – против врагов, нейтралов и союзников, во времена войны и мира. Приз в этой перманентной борьбе – мировое господство, которое американцами в последние годы именуется «глобальным лидерством». В частности, американская «мягкая сила», в качестве устойчивого политического понятия появившаяся на гребне информационных достижений, успешно специализируется на организации «цветных революций», сетей любых форм диссидентства и псевдоопозиции, от ваххабизма до анархизма во многих регионах мира [11]. В частности, на Кавказе действуют сотни, а может и тысячи, разноплановых неправительственных организаций, фондов, центров и других структур, финансируемых и поддерживаемых многими зарубежными и международными организациями. Безусловно, все эти структуры являются средствами для осуществления здесь сетевых операций (сетевых войн), частным видом которых выступают так называемые «цветные революции» – прозападные (чаще проамериканские) перевороты, производимые в той или иной стране или регионе в интересах Запада (США) с использованием инструментария сетевых войн. Хорошо известно, что все эти «революции» планируются и осуществляются в рамках американоцентричной стратегии глобализации и монополярного мироустройства.

Таким образом, по мнению многих современных политологов, новейшая геополитика, имея в своем арсенале современные средства и технологии управления мировыми и региональными политическими процессами в духе «soft power», преодолела географический и пространственный детерминизм классической геополитики, а также и экономические предпочтения новой геополитики.

Однако целый ряд авторитетных политологов, в том числе и американских, последовательно отстаивает мысль, что «география имеет значение» (geography matters). Эта когорта, связанная с неоконсервативными исследовательскими центрами или

¹ Данная статья написана в рамках исследования «Политические угрозы национальной безопасности на Юге России: основные факторы, тенденции развития, инструменты парирования», выполненного в рамках реализации внутривузовского конкурса проектов НИР ученых СКАГС в 2011 г.

военными учебными заведениями, составила базу для развития так называемых «неоклассических» интерпретаций геополитики. Неоклассическая школа исходит из того, что содержание и цели геополитики в современную эпоху претерпели существенные изменения по сравнению с рубежом XIX–XX вв., но само геополитическое знание вовсе не потеряло ценности. Стремление к контролю над пространством интерпретируется в качестве своего рода точки отсчета, перманентного мотива большой политики. В данной интерпретации, несмотря на происходящие в мировой политике и экономике глубокие изменения, география, пространство, территориальные аспекты политического и военного планирования по-прежнему имеют значение. И это значение еще больше возрастет в будущем, когда нехватка ресурсов и давление природной среды дестабилизируют целый ряд стран Азии [9].

Однако, по мнению отечественного специалиста в области современных международных отношений Э.Г. Соловьева (если вести речь о проблемах неоклассического подхода), наиболее уязвимым местом геополитического анализа выглядит преобладающий в его рамках государствоцентризм. Государство по-прежнему фигурирует в качестве единственного легитимного политического актора на международной арене. На самом деле ситуация, как считает ученый, менее однозначна. Глобализация, урбанизация и модернизация политических сообществ, развитие коммуникаций и контактов с внешним миром способствуют перераспределению влияния от правительств к негосударственным, включая транснациональные криминальные и *террористические сети* [9]. В этой связи, терроризм эпохи постмодерна можно рассматривать в качестве специфического субъекта / объекта мировой и региональной геополитики, что сегодня характерно и для российского Северного Кавказа.

Основные черты современного терроризма, нередко прикрывающегося исламом, являющегося продуктом глобализационных процессов и углубившегося социально-экономического расслоения в современном мире, заключаются в следующем: структурно он не замыкается в рамках одного региона; деятельность отдельных террористических групп организационно предельно децентрализована, однако фиксируется общность идеологических доктрин и целей; террористические структуры, в принципе, в состоянии осуществить акции с применением оружия массового уничтожения и современных технологий, что может привести к последствиям катастрофического характера не только для отдельных государств, но и всего мирового сообщества; отличительной особенностью стала высокая степень адаптации террористических организаций к реалиям современного мира, действующих как строго иерархически, так и с «размытым» управленческим механизмом, наличие структур, организованных по типу «паучьей сети», а также полностью независимых. Его отличительной чертой на данном историческом этапе является также беспрецедентное включение исламистского компонента, особенно в идеологические конструкции многочисленных террористических структур.

Отличием современного терроризма от терроризма прошлых эпох является и то, что традиционный терроризм не угрожал обществу как таковому, не затрагивал основ его жизнедеятельности. Современный же высокотехнологичный терроризм способен продуцировать системный кризис в любом государстве с высокоразвитой информационной инфраструктурой.

В этой связи, исследователей современного терроризма и связанных с ним проблем, интересует динамика изменений, обусловленных формированием идеологических доктрин радикальных исламистов, их организационных структур, форм и методов осуществления ими своей специфической деятельности, а также вопросы финансовой подпитки терроризма [1, 2]. На рассмотрении форм и методов политической практики северокавказских джихадистов мы и сосредоточим свое внимание.

Вследствие распыления организованного ичкерийского сопротивления, перехода на партизанские методы ведения боевых действий, а затем и вследствие формирования на территории северокавказских республик подполья, сепаратистское движение с начала 2000-х гг. перешло исключительно к диверсионно-террористическим формам и методам борьбы.

Террористическая война в последние годы в той или иной мере практически повсеместно распространилась по Северному Кавказу. При этом характерной тенденцией выступает то обстоятельство, что многие теракты последних лет были связаны с Чечней опосредованно. Терроризм помолодел, интеллектуально окреп, демонстрирует способность к самоорганизации и самовоспроизводству. Особенно тревожная ситуация в последние годы фиксируется в Дагестане и Кабардино-Балкарии, несколько улучшилась обстановка в Ингушетии, относительно спокойно стало в Чечне.

Практика свидетельствует, что в республиках Северного Кавказа экстремисты чаще применяют акции адресного терроризма, в основном направленные против представителей местных властей. Главный вектор террористической активности в северокавказском регионе нацелен, в основном, против сотрудников правоохранительных органов и силовых структур, представителей органов государственной власти и управления, официального мусульманского духовенства. Особенно зримо эта тенденция проявляется в деятельности террористических группировок «Шариат» и «Дженнет» (Дагестан), «Ярмук» (Кабардино-Балкария), «Халифат» (Ингушетия) и др. В то же время, вне северокавказского региона террористы, как правило, осуществляют свои разрушительные операции в местах массового скопления людей, преимущественно из числа гражданского населения (например, теракты в Москве, Беслане, Волгодонске, Кавказских Минеральных Водах и т.д.).

Официальные статистические данные по террористическим проявлениям в Российской Федерации и в ее северокавказском регионе показывает, что своеобразный пик пришелся на 2005 г. Тогда в РФ был зафиксирован 251 теракт, из них более 90 % – против сотрудников правоохранительных органов и органов исполнительной власти в Южном федеральном округе. В последующие два года наблюдалось неуклонное снижение числа террористических акций. Так, в 2006 г. было отмечено 112 терактов, из них вновь не менее 90 % отнесены к Югу России; а в 2007 г. – только 48 терактов, т.е. в пять раз меньше чем в «лихом» 2005 г., и более чем вдвое меньше по сравнению с 2006 г. Такая динамика дала основание некоторым экспертам утверждать, что наступил перелом, а в перспективе террористическая активность будет сведена на «нет» [4, с. 11].

Однако следует подчеркнуть, что в связи с изменениями, внесенными в уголовное законодательство в 2006 г., понятие *террористического акта* значительно сузилось. Так, сейчас для квалификации преступления как террористического акта обязательным является наличие цели воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями. Поэтому, как это ни странно звучит, террористические акты в нашей стране в последние годы стали крайне редким преступлением.

Тем не менее, в 2009 г. мы вновь явились свидетелями своеобразного «возвращения в 2005 г.», хотя в цифровом исчислении по отмеченным выше причинам количество терактов выглядит достаточно скромно, не отвечая истинному положению дел. Так, например, в 2009 г. в Российской Федерации было зарегистрировано всего около 15 террористических актов, практически все – на территории Южного федерального округа (ЮФО), включавшего в тот период в свой состав весь Северный Кавказ. Однако, если обратиться к статистике, озвученной правоохранительной системой ЮФО, то можно утверждать, что ситуация в 2009 г. на территории округа характеризовалась резким усилением террористической активности со стороны незаконных вооруженных формирований: было совершено 641 посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих (в 2008 г. – 491, рост составил 30 %). Только в 2009 г. по Южному федеральному округу погибли: 251 сотрудник правоохранительных органов и военнослужащий, а также 32 гражданских лица (в 2008 г. соответственно 210 силовиков и 12 гражданских), ранены 727 сотрудников и 85 гражданских лиц (в 2008 г. – 484 силовика и 68 гражданских) [5]. По данным некоторых российских СМИ, в 2010 г. вновь наблюдалась положительная динамика роста террористических актов, непростая ситуация фиксируется и в 2011 г.

В подавляющем большинстве случаев посягательства на жизнь сотрудников правоохранительных органов совершаются путем приведения в действие самодельных взрывных устройств, закладываемых под автомобили, либо по пути следования

потерпевших, обстрела автотранспорта, стационарных постов ДПС, зданий правоохранительных органов и жилых домов сотрудников из автоматического оружия и гранатометов.

В контексте разрастания терроризма на Северном Кавказе, безусловно, интерес представляет статистика террористической активности, формы и методы деструктивной деятельности террористов в мире. Так, например, Национальный антитеррористический центр США (НАТС) в мае 2009 г. опубликовал доклад, в котором приводятся статистические данные о террористических нападениях в мире за 2008 г. Согласно докладу, в 2008 г. имело место 11800 терактов, в то время как в 2007 г. – 14500, в 2006 г. – 14000, в 2005 г. – 11000, а в 2004 г., по данным Госдепартамента США, не учитывая теракты в Ираке, – 3192 [3, с. 40–41].

Наибольшее количество террористических атак в 2008 г. – 4600 (40 %) – было совершено в странах Ближнего и Среднего Востока, хотя в Ираке 2 года подряд, в 2007–2008 гг., их число снижалось. В то же время, в странах Южной Азии (Пакистан) и в Афганистане их количество увеличилось в 2 раза. Террористические акты в Ираке, Афганистане и Пакистане составили 55 % от общего числа терактов в мире. 140 % рост террористической активности в Африке зафиксирован в Сомали и Демократической Республике Конго. В Западной полушарии отмечено сокращение числа терактов на 25 %, а в странах Юго-Восточной Азии и Тихого океана – на 30 %.

В 2008 г. значительно возросло число случаев похищения террористами людей. Так, в Пакистане оно увеличилось на 340 %, в Афганистане – на 100 %, в Индии – на 30 %, в других странах Южной Азии – на 45 %. Как и в прежние годы, в 2008 г. при проведении большинства терактов использовалась уже известная тактика действий с применением легкого стрелкового оружия, ручных гранатометов, подрыва бомб, похищения людей. Террористы продолжали прибегать к проведению скоординированных по времени нападений, когда вскоре после первого теракта они осуществляли второй, направленный уже против сотрудников специальных и спасательных служб, прибывших на место происшествия. В 2008 г. в результате терактов в различных странах мира погибло или было ранено свыше 50 тыс. человек, причем большинство из них являлось мусульманами. 65 % жертв террористических нападений были мирными жителями. Обращает на себя внимание тот факт, что дети продолжают составлять непропорционально большое число жертв. Так, в 2008 г. количество погибших детей возросло на 10 %.

Эксперты прогнозируют рост количества террористических актов в мире, что связано с проведением американцами операции «Аф-Пак» на территории Афганистана и Пакистана, реальной или вымышленной ликвидацией в Пакистане лидера «Аль-Каиды» Усамы бен-Ладена, инспирацией «цветных революций» в некоторых государствах Ближнего Востока и Северной Африки и, главное, применение вооруженных сил НАТО при решении ливийской проблемы.

Продолжает актуализироваться наиболее опасный вид терроризма – терроризм смертников, которые исламистами ошибочно именуется «шахидами». Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в исламе *шахидом* признается воин, *муджахид* (букв. – участвующий в *джихаде*), погибший во время сражения «на пути Аллаха», даже если он был убит не на поле боя, а умер случайно или непреднамеренно от собственной же руки. Этот тип мученика называется «совершенным *шахидом*», поскольку он признается мучеником, как в этом мире, так и в жизни последующей, после смерти, где получит заслуженную награду от Бога [13, с. 144]. При этом исламская ортодоксия категорически отрицает тождество между «совершенными шахидами» и террористами-самоубийцами.

Несмотря на то, что терроризм смертников отмечался и в прежние века ислама, тем не менее, расцвет этого явления пришелся на вторую половину XX – начало XXI в. Как утверждает отечественный исследователь данного явления С.И. Чудинов, терроризм смертников ведет свои истоки от шиитской версии радикального ислама, пустившего свои корни в разорванном гражданской войной и иностранной оккупацией Ливане. Большинство экстремистских движений, воспринявших и адаптировавших

тактику атак смертников к условиям социально-политического конфликта на своей родине в 1990-е гг., копировали ливанскую модель сопротивления, с которой они имели возможность познакомиться самым непосредственным образом (боевые кадры этих группировок проходили военную тренировку в Ливане в то время, когда радикальные шиитские партии впервые апробировали атаки смертников). Ливанская модель, в свою очередь, была подражением опыту иранских басиджей времен современной ирано-иракской войны, вспыхнувшей вслед за исламской революцией 1979 г. в Иране [12, с. 88].

Хотя в настоящее время за большинством террористических актов с участием смертников стоят исламистские группировки, религиозная составляющая мотивации не столь обязательна для всех исторических разновидностей терроризма смертников. Иногда дух националистической борьбы миноритарной этнической общности и культивируемая в ней идеология самопожертвования доводятся до столь крайнего альтруизма в отношении идеала независимой родины, тесно переплетаясь с чисто восточным культом харизматического лидера повстанческого движения, что этого может быть достаточно и без религиозных стимулов для воспитания готовности в адептах националистического движения превратить себя в живые бомбы. В качестве примера можно привести соответствующую практику «Тигров освобождения Тамил Илама» или курдских сепаратистов из Рабочей партии Курдистана, устраивавших самоподрывы в Турции и т.д. Националистический компонент был силен даже в самом Ливане, родине современного терроризма смертников, в среде светских националистических партий и группировок Ливана (Сирийская социально-националистическая партия и др.). Однако все же радикальный ислам остается важнейшей культурно-идеологической основой распространения терроризма смертников в современном мире. Более того, именно исламистская интерпретация идеала исламского мученичества легла в основу его глобализированной формы [12, с. 88–89].

Вместе с тем, количество терактов в мире с использованием самоубийц продолжает оставаться серьезной проблемой для отдельных регионов мира. Например, оккупированный войсками США и их союзников Ирак в этом плане в середине 2000-х гг. поставил такие «рекорды», по сравнению с которыми все остальные ареалы использования тактики «шахидов» в мире просто меркли. Пиковыми годами оказались 2005 и 2007 гг. – 478 и 442 случая использования «живых бомб» соответственно. В 2009 г. в Ираке было зафиксировано немногим более 30 акций террористов-самоубийц. Всего же в 2003–2008 гг. в этой стране было отмечено около 1700 взрывов, осуществленных смертниками. Другой ареал особой активности «шахидов» – Афганистан, где с 2006 г. ежегодно фиксируется в среднем по 140 акций самоподрывов [4, с. 11–12]. В последние два-три года в этот разряд вошел и Пакистан, где взрывы самоубийц звучат с нарастающей частотой.

С июня 2000 г. терроризм смертников появился на российском Северном Кавказе. Уже в начале 2000-х гг. известный чеченский полевой командир Ш. Басаев объявил о создании подразделения смертников под названием «Риядус Салихийн» («Сады праведных»), которое не отражало какую-то единую структуру, но было скорее вывеской, под которой лидер экстремистов объявил о своей причастности к подготовке атак смертников.

Как подчеркивает С. Чудинов, во многих отношениях терроризм смертников в Чечне необычен. Во-первых, для него характерен очень высокий процент женщин-исполнительниц атак смертников. Специалисты в области психиатрии и психологии А. Спекхард и Х. Ахмедова, проводившие специальные исследования чеченского терроризма смертников, подсчитали, что женщины-смертницы принимали участие в 22 из 27 террористических операций с участием смертников (с июня 2000 г. по май 2005 г.). Их доля среди смертников составила 43 % (47 из 110 человек). Что касается объектов покушений, то из 28 террористических операций с участием смертников, осуществленных с июня 2000 г. по июль 2005 г., 10 были нацелены на военные объекты, 4 – на промосковские правительственные учреждения и официальных лиц правительства Чеченской Республики, 14 – на гражданские объекты (из них 8 произошли

в Москве). В первые два года атаки смертников происходили только в Чечне и были нацелены на российские военные базы, в последующем наблюдался процесс расширения ареала их осуществления. В 2003–2004 гг. был достигнут пик интенсивности чеченского терроризма смертников, который, тем не менее, до сих пор остается в республике маргинальным явлением, не одобряемым местной общественностью [12, с. 65].

В 2009 г. был зафиксирован новый всплеск терроризма смертников на Северном Кавказе, при этом терроризм самоубийц, как специфическая практика радикальных исламистов, уверенно вышел за пределы Чечни и затронул не только соседние с ней Дагестан и Ингушетию, но и некоторые другие российские регионы, утратив при этом исключительно чеченский этнический облик. В частности, летом 2009 г. было совершено громкое покушение на президента Ингушетии Юнус-Бека Евкурова, ответственность за которое взял Доку Умаров и возрожденные им бригады «Риядус Салихийн». В 2009 г. на территории Чеченской Республики «живыми бомбами» стали 10 человек, в Республике Ингушетия – 4, и в Республике Дагестан – 1 [4, с. 12]. Террористы-смертники успели отметиться в Северной Осетии, Ставропольском крае и Москве. Эта же тенденция сохранилась в 2010–2011 гг. Периодически правоохранительным органам в результате спецопераций удается ликвидировать или задержать потенциальных смертников, но далеко не всегда.

Как свидетельствует практика, в основном роли «живых бомб» на Северном Кавказе выполняют юноши и женщины, как правило, так называемые «черные вдовы» (вдовы убитых боевиков, для которых в специфических условиях Кавказа со смертью их мужей заканчивается не только супружеская жизнь, но и в ментальном плане утрачивается смысл жизни как таковой). Подготовка таких смертников ведется групповым методом по специально разработанной методике с использованием зомбирующих технологий, учебно-тренировочных заданий, формирующих жесткие мотивационные установки, с соответствующей атрибутикой и ритуалами.

Однако в последние годы террористами-смертниками стали преимущественно юноши и молодые мужчины. Развертывание «шахидизма» свидетельствует о мощном влиянии ближневосточных экстремистских организаций на эволюционные процессы в северокавказском радикальном исламизме, участии наемников в подготовке и осуществлении террористических актов на Северном Кавказе.

Северокавказским боевикам удалось поставить на поток подготовку и создать резерв потенциальных смертников-самоубийц, а также идеологов и наставников «шахидов», из числа не только зарубежных, но и российских граждан (например, уничтоженный Саид Бурятский). Как подчеркивают эксперты, практика «шахидизма» весьма эффективна: взрывы «живых бомб» составляют 3 % всех терактов, совершенных в мире, однако именно на них приходится 48 % жертв [8]. Что касается России, то за период с августа 1999 г. по сентябрь 2009 г. террористами-смертниками в различных ее регионах, преимущественно на Северном Кавказе, была осуществлена 41 акция «шахидизма», все они сопровождались далеко не единичными жертвами. Для сравнения: в Израиле за период так называемые «интифады» (первая интифада в Палестине вспыхнула в 1987 г., вторая – в 2000 г. – И.Д.) взорвали себя 59 палестинцев [10]. Иными словами, по количеству «живых бомб» Северный Кавказ уверенно догоняет Палестину, а по частоте применения практики терроризма самоубийц за последние десять лет явно ее превосходит. В 2010–2011 гг. практика шахидизма продолжилась, а ее география вовсе не ограничивается территорией северокавказских республик России. Правда следует отметить, что безусловными лидерами по проведению акций террористов-самоубийц сегодня выступают Афганистан и Ирак, ежегодно там, а также и в Пакистане, фиксируются сотни акций самоподрывов.

Для поддержания и усиления уровня террористической активности боевики предпринимают недюжинные усилия, направленные на восстановление понесенных потерь. Эмиссарами бандподполья осуществляются меры по внедрению религиозно-экстремистской идеологии в сознание, прежде всего, горской молодежи. В этих целях тиражируются и распространяются исламистские книги, брошюры, листовки, DVD-диски, видеокассеты и, конечно, используются возможности Интернета. Со-

трудниками правоохранительных органов регулярно изымается внушительное количество такого рода идеологической продукции. Характерно при этом, если еще в 2008 г. эти материалы обнаруживались в большинстве случаев в схронах и на базах боевиков, то уже в 2009–2011 гг. – преимущественно в домовладениях граждан.

Как следствие, сегодня по возрастному составу участников террористическое движение является преимущественно молодежным. При этом по социальному положению оно, в основном, состоит из низших слоев общества (материально необеспеченных, безработных, с приниженным социальным статусом, с невысоким образованием и т.д.). Вместе с тем, не уменьшаются и масштабы наемничества, представители которого основательно представлены в составе северокавказских НВФ. Более того, боевикам «стало удаваться вербовать в свои ряды славян» [8].

Предложенный вниманию читателя материал позволяет утверждать, что в области использования форм и методов осуществления террористических атак северокавказские сепаратисты так же, как и на других направлениях своей специфической деятельности, не изобрели ничего нового, оригинального по сравнению с практикой их «коллег» в государствах арабского, и шире – мусульманского Востока.

Рассмотрение разнообразных сфер развертывания терроризма под прикрытием ислама на Северном Кавказе – идеологической, структурно-организационной и практической – позволяет утверждать о весомости воздействия внешнего фактора на процесс возникновения, идеологического обоснования и функционирования джихадистского движения в северокавказском регионе России. Прежде всего, это связано с идеологической, финансовой и иной подпиткой из-за рубежа и присутствием в рядах северокавказских боевиков в разные периоды времени значительной группы зарубежных «моджахедов» из многих стран Ближнего и Среднего Востока, других уголков «исламского мира». Разноплановая и массивная внешняя помощь выступает весомым фактором радикализации «ваххабитского» движения в этом регионе России.

Аргументом в пользу политического манипулирования местными «борцами за веру» со стороны внешних сил выступает и их идеологическая несамостоятельность. Опора на арабских и пакистанских миссионеров, а также характер «образования», полученный местными «ваххабитами» в исламистских центрах непосредственно на территории Северного Кавказа и, особенно, за рубежом, предопределили сложное протекание процесса трансформации сепаратизма, основывающегося ныне, в большей степени, на «исламском факторе», на идеологии радикального исламизма. Тенденция к механическому перенесению на местную почву фундаменталистских ценностей, несущих на себе отпечаток иных социально-исторических условий, способствует высокой степени социальной конфликтности «ваххабитов» и их отчужденности от широких слоев традиционного в регионе ислама и общества. Северокавказские «ваххабиты» даже не стремятся осмыслить местные реалии, предпринимая усилия втиснуть их в рамки идей, почерпнутых ими из произведений зарубежных фундаменталистских авторов: Ибн Ханбалы, Ибн Таймийи, Ибн аль-Кайима, аль-Ваххаба, аль-Маудуди, С. Кутба и других современных идеологов салафизма. Сказанное позволяет утверждать, что на практике военно-политическая активность северокавказских «ваххабитов» лишена созидательного содержания и не выходит за рамки минимальных целей, преследуемых внешними силами, – дестабилизировать ситуацию в регионе и ослабить влияние России на Северном Кавказе [6]. Совершенно очевидно, что ситуация за последнее десятилетие качественно не изменилась, а внешнее (экзогенное) воздействие на региональные этнополитические процессы по-прежнему остается весомым, существенно подпитывая внутренние (эндогенные) конфликтогенные факторы, характерные для современного российского Северного Кавказа.

Список литературы

1. Добаев А. И. Экономическая безопасность и терроризм в эпоху глобализации / А. И. Добаев // Южнороссийское обозрение. – Ростов н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. – Вып. 52.
2. Добаев А. И. Хавала: неофициальная система финансирования терроризма / А. И. Добаев // Южнороссийское обозрение. – Ростов н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. – Вып. 65.

3. Добаев И. П. Современный терроризм в мире и на Северном Кавказе: основные черты, активность, опыт противодействия / И. П. Добаев // Регулирование социально-этнических процессов в условиях региональных рисков экстремизма : сб. мат-лов Межрегион. науч.-практ. конф. (28 апреля 2010 г., СКАГС, Ростов н/Д.). – Ростов н/Д. : Изд-во СКАГС, 2010. – С. 40–41.
4. Добаев И. П. Современный терроризм в мире и на Северном Кавказе: сущность, практика, опыт противодействия / И. П. Добаев // Ориентир. – 2010. – Ноябрь. – С. 11–12.
5. Как заткнуть за пояс шахида? // Московский Комсомолец. – 2010. – 24 февр.
6. Макаров Д. В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане / Д. В. Макаров. – М., 2000.
7. Нечитайло Д. А. Запал для «умной бомбы» / Д. А. Нечитайло // НГ-религии. – 2009. – 16 сент.
8. РБК daily. – 2009. – 28 ноября.
9. Соловьев Э. Г. Современная американская геополитика / Э. Г. Соловьев // Perspektivy.info. – 2010. – 10 дек. – Ч. 1: Неоклассический ренессанс.
10. Сухов И. Марш смертников / И. Сухов // Время новостей. – 2009. – 18 сент.
11. Тхагапсоев Х. Страсти политологов по Кавказу / Х. Тхагапсоев // Кабардино-Балкарская правда. – 2010. – 6 февр.
12. Чудинов С. И. Терроризм смертников / С. И. Чудинов. – М. : Флинта, Наука, 2010. – С. 65, 88.
13. Юджеоглу Х. Ислам о шахидах и террористах-смертниках / Х. Юджеоглу // Ислам о терроре и акциях террористов-смертников / сост. Э. Чапан. – М., 2005. – С. 144.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ И ЭКСПЕРТНЫЕ СЕТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ РОССИЙСКИХ ПОЛИТОЛОГОВ¹

**Е.В. Морозова
(Россия, Краснодар)**

В статье рассмотрены особенности исследовательских и экспертных сетей как нового способа производства научных знаний, показаны их функции – поисково-инновационная, координирующая, функция научного краудсорсинга.

This article describes the features of research and expert networks as a new mode of production of scientific knowledge, the author shows their functions - innovative, coordinative and the function of scientific crowdsourcing.

Ключевые слова: политическая наука, исследовательские сети, экспертные сети, научный краудсорсинг, инновации, «незримый колледж».

Key words: political science, research networks, expert networks, scientific crowdsourcing, innovation, "the invisible college".

Институализация политологии в качестве научной специальности и вузовской дисциплины, начавшаяся в конце 1980-х гг., не только привела к реструктуризации существовавших ранее организаций (отечественная ассоциация политической науки, академические институты, лаборатории и др.), но и создала стимулы для создания новых способов производства научного знания. В последнее десятилетие значительный вклад в развитие политической науки вносят сетевые сообщества политологов. В определенном смысле моделью развития послужили сети, сложившиеся ранее в других областях социально-гуманитарного знания (к примеру, Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов EAWARN). Безусловно, ускорило процесс и стремительное развитие сетевых структур буквально во всех сферах жизни общества [3].

В настоящее время только на сайте РАПН зарегистрированы 4 сетевых сообщества политологов: «Многообразие регионов. Источники и акторы развития», «Территориальное самоопределение. Институциональная консолидация территориальных политических и сообществ», «Границы и пограничья», «Взаимодействие традиций и инноваций».

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 11-03-00519а «Конструктивный потенциал социальных сетей в сфере публичной политики в условиях модернизации современного российского общества».